

RU

Категория времени как основа архитектоники
программного цикла В. Д. Колупаева «Жизнь как год» (1982)

Морозова И. В.

Аннотация. Цель исследования - выявление особенностей репрезентации категории художественного времени в поэтике малой прозы В. Д. Колупаева на материале цикла «Жизнь как год» (1982). Отдельное рассмотрение категорий пространства и времени обусловлено их равнозначным положением в тексте и наличием собственных характеристик. Научная новизна работы заключается в изучении произведений малой прозы В. Д. Колупаева с точки зрения ее пространственно-временной организации. В результате на материале программного цикла «Жизнь как год», впервые атрибутированного в литературоведческом аспекте, выявлен синтез двух временных моделей, мифопоэтической и субъектно-психологической, реализующий авторскую идею жизни как чуда.

EN

Time Category as a Basis of Architectonics
of the Program Cycle “Life as a Year” (1982) by V. D. Kolupaev

Morozova I. V.

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the representation of the category of time in the poetics of Viktor Kolupaev's short prose in the cycle "Life as a Year" (1982). The author considers separately the categories of space and time because of their equivalent position in the text and the presence of their own characteristics. The scientific novelty of the research lies in the study of the works of Kolupaev's short prose from the point of view of its spatio-temporal organization. As a result, the author revealed a synthesis of two temporal models (mythopoetic and subject-psychological), realizing Kolupaev's idea of life as a miracle in the program cycle "Life as a Year", first attributed in the literary aspect.

Введение

Актуальность темы исследования определяется повышенным интересом современной гуманитарной науки к способам репрезентации пространственно-временной организации в художественных текстах и выявления её особенностей. В последнее десятилетие изучение категорий пространства и времени было выполнено на материале произведений таких писателей, как М. А. Булгаков (Папакина, 2012), М. А. Тарковский (Вальянов, 2018), А. А. Солодовников (Комарова, 2017) и др.

Давно назревшим и актуальным является обращение к малой прозе одного из самых ярких сибирских авторов XX в., томского писателя и члена Союза писателей СССР (1976) *Виктора Дмитриевича Колупаева* (1936-2001), художественный мир которого представляет собой уникальный материал для анализа поэтики произведений сквозь призму категорий художественного пространства и времени. Особое внимание к этим фундаментальным категориям зародилось в мировоззрении автора, по его собственным словам, в юности. Одновременно с чтением исследовательских работ по физике и философии в начале 1970-х годов В. Колупаев обратился к литературному творчеству, в частности к созданию произведений в жанре научной фантастики. В программной работе «Пространство и Время для фантаста» (1994), являющейся кратким изложением до сих пор не изданного труда «Пространство и Время. (Физический аспект)», выделяются заглавные тематические ориентиры творчества: «В общем-то, почти все мои рассказы и повести – о Пространстве и Времени, и еще – о Человеке. Главным, что дала мне фантастика, было какое-то раскрепощение сознания. Я постепенно учился мыслить нестандартно» (Колупаев, 1994, с. 5). Данное эссе, вышедшее небольшим тиражом в 500 экземпляров и являющееся, по замечанию дочери автора О. В. Колупаевой, «библиографической редкостью» (Колупаев, 2017, с. 14), должно было стать первым изданием в серии трудов, посвящённых анализу пространства

и времени в философском, физическом, логическом, математическом, теологическом аспектах, однако так и оставшихся незавершёнными.

Программный цикл «Жизнь как год» ранее не выступал объектом филологического исследования, освещалось позднее творчество писателя: роман «Сократ Сибирских Афин» (2001) был рассмотрен в дискурсивном и концептуальном аспектах в работах И. В. Никиенко (2012; 2013; 2014а; 2014б); к трактовке поэтики и жанра настоящего романа обращалась Т. Л. Рыбальченко (2005).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: впервые атрибутировать программное произведение писателя в литературоведческом аспекте; определить авторскую концепцию времени в цикле «Жизнь как год» (1982) В. Колупаева; рассмотреть особенности ее художественного выражения; проанализировать специфику индивидуально-авторской картины мира писателя.

В методологическом отношении для понимания художественного воплощения категорий времени в исследуемом произведении В. Колупаева использовались принципы сравнительно-исторического анализа, культурно-исторический метод, метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом которых являются категории художественного пространства и времени в художественном сознании отдельных эпох и писателей (Габидулина, 2015; Ковалева, 2016; Панкова, 2012; Мостепаненко, 1974; Кандрашкина, 2011; Nesterik, Kakzhanova, Issina et al., 2017). Благодаря сложившейся в течение XX века традиции изучения пространства и времени в литературных произведениях можно выделить актуальные для нас направления: «...исследование хронотопа художественного произведения; структурный подход к анализу художественного пространства; анализ пространственных и временных повествовательных ситуаций; выявление отношений между фабульным и сюжетным временем, или временем повествования и временем истории; исследование времени художественного произведения с точки зрения структурной нарратологии; нарративно-герменевтические интерпретации времени повествования» (Веденкова, 2011, с. 279).

Универсальным инструментом для рассмотрения художественного пространства и времени выступает признанная категория хронотопа, под которой понимается «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (Бахтин, 1975, с. 234). М. М. Бахтиным была выделена особая жанрообразующая функция, которая, по мнению украинской писательницы О. А. Чигиринской (2008), применима для жанра фантастики: «Следуя Бахтину, я предпочитаю называть фантастику жанром и определять его главную жанрообразующую поэтическую черту как “невозможный” хронотоп, создаваемый тремя основными методами: утопией (невозможное место), ухронией (невозможное время) и усквией (невозможная вещь в подчеркнуто реальном хронотопе)».

Практическая значимость работы заключается в использовании материалов исследования при изучении спецкурсов и спецсеминаров по истории русской литературы и советской фантастики, региональной литературы. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий по истории отечественной и зарубежной фантастики, а также по общим и специальным вопросам исследования пространственно-временной организации художественного текста.

Основная часть

Цикл «Жизнь как год» впервые был опубликован в 1982 году в № 6 новосибирского литературного журнала «Сибирские огни»; он включает в себя 12 новелл, озаглавленных по названиям месяцев. Новеллы для цикла «Жизнь как год» создавались не в порядке следования месяцев в году. Первой частью стал «Сентябрь», изданный в 1972 году в составе сборника «Случится же с человеком такое!..». Спустя пять лет в сборнике «Билет в детство» были опубликованы «Май» и «Лагерный сад» («Июль»). Оставшиеся новеллы – «Январь», «Февраль», «Март», «Апрель», «Июнь», «Август», «Октябрь», «Ноябрь», «Декабрь» – были изданы в 1982 году.

В книге писателя и историка фантастики Г. М. Парашкевича (2021) «Красный сфинкс» открывается история создания произведения: «Сначала появился рассказ “Сентябрь”, – писал мне Виктор. – Мысли о других временах года никакой не было. Потом года через четыре написал “Декабрь”, но все еще без задней мысли. Дальнейший порядок уже не помню, но написал сам собою еще какой-то месяц, а тогда уж мне ударило в голову: не закруглить ли все это в целый год? Но закруглял долго. Всего от первого до последнего рассказа прошло лет десять-двенадцать. В одном месте пришлось даже схлтурить. Нужен был еще один месяц – июнь, но ничего в голову не приходило. Вернее, рассказ уже был, он назывался “Лагерный сад” и очень, мне кажется, подходил, но он уже был опубликован под “неподходящим” названием. Несколько лет я мучился и, в конце концов, совершил подлог: переименовал “Лагерный сад” в “Июнь» (с. 389). В приводимой цитате наблюдается либо заблуждение самого В. Колупаева, либо опечатка Г. Парашкевича, поскольку рассказ «Лагерный сад» был трансформирован в новеллу «Июль», а не «Июнь».

Авторская временная концепция, представленная в цикле «Жизнь как год», выражается в поэтическом исследовании человеческой жизни как чуда. В предисловии отмечается, что чудеса присущи жизни всех людей, однако «чудом из чудес [является] сама жизнь» (Колупаев, 2017, с. 145). Реализация идеи о чуде жизни осуществляется с помощью соединения двух временных моделей – субъективно-психологической и мифопоэтической, или природно-циклической.

Субъективно-психологический тип времени реализуется за счет отсутствия одного героя, который бы проходил все этапы жизненного пути. В соответствии с годовым циклом каждая глава представляет истории от различных по возрасту и социальному положению мужчин-рассказчиков. Природно-циклическая модель времени мифопоэтической природы широко использовалась в литературе, в том числе и современниками писателя. Наиболее близким прецедентом является драматическая сказка С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» (1942-1943), где братья-месяцы «выполняют функцию дарителей, подвергающих падчерицу традиционному испытанию» (Сенне, 2017, с. 235). В произведении томского фантаста персонажи также подвергаются испытаниям, приготовленным им определенным месяцем года. Благодаря совмещению двух временных моделей предметом повествования становится «индивидуальное чудо» (Ащеулова, 2011, с. 282) героев-рассказчиков, соответствующее этапу их жизни.

Мифопоэтическое время в цикле «Жизнь как год» представлено следующим образом: весна соотносится с молодостью, лето – со зрелостью, осень – со старостью и смертью. Замыкают календарный и человеческий циклы главы, посвященные зимним месяцам: «Январь» и «Февраль» позволяют раскрыть образ детства и юности, а «Декабрь» посвящен идее о перерождении и вечной жизни. Основным способом репрезентации данной временной модели является использование пейзажных описаний каждого из четырех сезонов.

Наиболее ярко представлена сибирская зима, морозные картины которой имеют разнообразный спектр коннотаций. Например, в главе «Февраль» девятиклассник размышляет о мироустройстве будущего и силой воображения выдумывает «мир из кнопок». Зимний пейзаж представлен в главе в ироничном ключе: «Морозец слабый. Какой это мороз! Я даже уши у шапки не опускаю. Тру, конечно, иногда, но это так, машинально. Можно и не тереть» (Колупаев, 2017, с. 159). Однако не ко всем проявлениям зимы персонажи относятся позитивно; в ином смысловом поле фигурируют образы метели, бури, ветра. В русской литературе они, как известно, связаны со «знамениями времени», поскольку «выразили осознание кризиса, распада старого мира, сопутствовали ситуации трагического распутия, на котором оказался связанный с этим миром человек» (Ди, 2012, с. 85). В цикле «Жизнь как год» метели и вихри приобретают негативное осмысление; рассказчики подчеркивают связанность с ними страх, а порой и смертельную опасность: «Ветер, бешеный, злой, крутит снежный вихрь из похоронок, ломает все вокруг, обрывает ветви елок, бросает вниз хрустальные украшения» (Колупаев, 2017, с. 157). Таким образом, с одной стороны, образы вихрей и метели проявляются в цикле Колупаева как культуроспецифические символы смерти и эксплицируются в чрезвычайной ситуации, например когда мальчик замерзает в лесу в главе «Январь». С другой стороны, они репрезентируются как нечто, что доставляет дискомфорт в бытовом плане, как в главе «Февраль».

Весна – наиболее частотный образ времени года в русской литературе: согласно классификации М. Н. Эпштейна (1990, с. 290), образы этого времени года представлены в 195 проанализированных им репрезентативных пейзажных стихотворениях. В отличие от традиционного представления о весне как о времени пробуждения природы, возрождения человека, в цикле «Жизнь как год» весна выступает лишь как промежуточный этап между зимой и летом, «междувременье» (Колупаев, 2017, с. 178): «Это все зима. Это все весна» (Колупаев, 2017, с. 170). Тем не менее в главе «Май» она дополняется традиционным образом пробуждения природы, который играет сюжетообразующую функцию и выражается в персонаже девушки-весны. С ее появлением холодный серый город начинает преобразоваться и зеленеть: «Она бросается вниз по ступеням. <...> Зеленой волна движется вниз по проспекту» (Колупаев, 2017, с. 195).

Летний пейзаж, «эстетически наименее освоенный в отечественной поэзии» (Эпштейн, 1990, с. 181), выражен в цикле «Жизнь как год» фрагментарно. Внимание рассказчиков концентрируется на ольфакторных включениях, запахах цветов и травы: «Из ближайшего парка на меня налетает запах трав и цветов» (Колупаев, 2017, с. 199) («Июнь»); «Что за вечер! Как тогда... Последняя теплая, тихая, насыщенная запахами и таинственностью неделя» (Колупаев, 2017, с. 211-212) («Август»); «Я иду по тропинкам, и уже песок скрипит под ногами. Как все пахнет вокруг! Какой сложный узор запахов!» (Колупаев, 2017, с. 214) («Август»). Несмотря на то, что в главах, где представлен образ лета, отсутствуют пейзажные описания, именно в них появляются научно-фантастические сюжеты: путешествие в космическое пространство («Июнь»), перемещение в будущее («Июль»); перемещение в параллельную реальность воспоминаний («Август»). В первой и последней новеллах сюжет развивается в ночное время, которое традиционно является «наиболее благодатным временем суток для их (поэтов. – И. М.) размышлений о смысле жизни, своего места в ней, пробуждения различных воспоминаний, особенно о любимых» (Дзуцева, 2022).

Осень в анализируемом цикле В. Колупаева (2017) – символ завершения биографического времени. Образ приближающейся смерти передан и на уровне сюжета, и в описаниях окружающего пространства: «И вот я среди берез. Они стоят наполовину голые<...>» (с. 220); «Земле уже не нужна влага, а дождь все льет и льет. Деревья голы, трава умерла» (с. 230). Безусловно, образ смерти дополняется другими мотивами. Например, в новелле «Ноябрь» представлены образы застывшего, исчезающего мира, которые предвещают его скорую смерть: «Небо низкое и серое. Солнца нет. Я даже не могу определить, на какую сторону света выходят окна моей палаты. Нет. Уже больше ничего нет. От моего дыхания, что ли (да только при чем тут оно?), стекло затягивается льдом. Мир мутнеет, отделяется от меня, уродливо меняет свои пропорции. <...> Мир исчез» (с. 245). Усиливает чувство приближения смерти мотив молчания, который играет сюжетообразующую роль: герой молчит до тех пор, пока не сможет использовать слова из чужой речи. По замечанию М. Н. Эпштейна, молчание отличается от понятия тишины, которое, в свою очередь, подразумевает под собой «дочеловеческое состояние природы» (Цит. по: Комаров, Юдинцева, 2014, с. 125), в то время как «молчание и слово являются характеристиками человеческого мира» (Цит. по: Комаров, Юдинцева, 2014, с. 125).

Осень в цикле «Жизнь как год» воплощает завершение циклов природы и человеческой жизни. Тем не менее новелла «Декабрь» олицетворяет чудесное обнуление линейного биографического времени, возвращение к началу. В финале временная концепция подчеркивает идею автора о чудесном перерождении, о вечности понятий «семья» и «семейные ценности»: «Мои и ее руки переплелись венцами бревен. Мы и есть этот с т а р ы й д о м» (Колупаев, 2017, с. 255).

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Цикл В. Д. Колупаева «Жизнь как год», впервые атрибутированный в литературоведческом аспекте, является оригинальным материалом для исследования репрезентативной для понимания авторской поэтики категории художественного времени. Оригинальная концепция времени заключается в синтезе субъектно-психологической и мифопоэтической временных моделей. В результате категория художественного времени в исследуемом цикле репрезентирует специфику индивидуально-авторской картины мира, заключающейся в сопоставлении календарного и биографического циклов, создании образа собирательного героя-рассказчика. Поскольку художественное время неотделимо от категории художественного пространства, для выработки комплексного представления о специфике творческой системы В. Д. Колупаева перспектива дальнейшего исследования видится в обращении к пространственным образам его наследия в целом и цикла «Жизнь как год» в частности.

Источники | References

1. Ащеулова И. В. Чудо как ситуация духовного поиска в истории (роман В. Шарова «Воскрешение Лазаря») // Питання літературознавства. 2011. Вып. 84. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/PI_2011_84_36
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
3. Вальянов Н. А. Художественный мир М. А. Тарковского: пространство, время, герой: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2018.
4. Веденкова Е. С. Исследование художественного пространства-времени: вопросы методологии // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 12.
5. Габидуллина Л. Ф. Специфика художественного времени в романах и рассказах Ш. Бикчурина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (50).
6. Дзуцева Н. А. Образ-символ «ночь» в восприятии русских поэтов «чистого искусства» и К. Л. Хетагурова. 2022. URL: <http://svarkhipov.narod.ru/pup/dzus.htm>
7. Ди С. Символика метели и проблема конфликта в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 2.
8. Кандрашкина О. О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 2-5.
9. Ковалева Т. Н. Типы художественного времени и их роль в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3603
10. Колупаев В. Д. Жизнь как год // Колупаев В. Д. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Престиж Бук, 2017. Т. 1. Повести, рассказы.
11. Колупаев В. Д. Пространство и Время для фантаста. Томск, 1994.
12. Комаров С. А., Юдинцева Е. Л. Феномен молчания в русской и русскоязычной онтологической повести 1970-х годов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2014. Вып. 1.
13. Комарова И. В. Духовная поэзия А. Солодовникова: художественное время и пространство: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2017.
14. Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро- и микромире. М.: Политиздат, 1974.
15. Никиенко И. В. «Пушкинский текст» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4.
16. Никиенко И. В. Вода как онтологическая и гносеологическая среда: особенности художественной адаптации философского концепта «первоначало» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21).
17. Никиенко И. В. Дискурсивное синтезирование концепта «Апейрон» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева: «Афинский» слой // Сибирский филологический журнал. 2014а. Вып. 4.
18. Никиенко И. В. Персонализация институционального как дискурсивная стратегия фантаста (на материале поздней прозы В. Д. Колупаева) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014б. Вып. 10 (151).
19. Панкова С. Ю. Пространство и время в этнической картине мира: монография. Южно-Сахалинск: Изд-во СаХГУ, 2012.

20. Папакина Л. Н. Формирование темпорального пространства в художественном тексте: на материале ранних произведений М. Булгакова: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2012.
21. Парашкевич Г. М. Красный сфинкс: в 2-х кн. М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. Книга вторая.
22. Рыбальченко Т. Л. Проза из Сибирских Афин // Виктор Дмитриевич Колупаев: библиографический указатель / сост. и авт. пред. А. В. Яковенко; под ред. С. С. Быковой. Томск, 2005.
23. Сенне К. Старая новая сказка: мифопоэтический подтекст пьесы-сказки С. Маршака «Двенадцать месяцев» // Детские чтения. 2017. Вып. 2 (12).
24. Чигиринская О. А. Фантастика как способ организации хронотопа. 2008. URL: <http://heartofsword.eu/statya/fantastika-kak-sposob-organizacii-hronotopa>
25. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.
26. Nesterik E., Kakzhanova F., Issina G., Shelestova T., Tsay Ye., Kusmanova G., Pecherskikh T. Spatial Images of Subjective Perception of Time in a Literary Text // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2017. Vol. IX. No. 3. DOI: 10.21659/rupkatha.v9n3.08

Информация об авторах | Author information

Морозова Инна Викторовна¹

¹ Томский государственный университет

Morozova Inna Viktorovna¹

¹ Tomsk State University

¹ miv96@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.03.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): русская литература; художественное время; Виктор Колупаев; цикл «Жизнь как год»; советская фантастика; Russian literature; artistic time; Victor Kolupaev; cycle “Life as a Year”; soviet science fiction.